

Категория диминутивности в русском языке

Д-р Акиль Яхья Хассан

2008

الباحث / د. عقيل يحيى حسن

Введение

Уменьшительность (диминутивность) – особое языковое значение, связанное прежде всего с указанием на уменьшение размера объекта. Как правило, выражается морфологически путем прибавления определенного аффикса к именной основе.

Изучение категории диминутивности принадлежит к числу сложных и недостаточно исследованных вопросов языкознания. В лингвистических трудах разработаны лишь отдельные проблемы данной категории. Можно назвать отдельные работы российских авторов (Е.С. Куберяковой 1981, Е.Ю. Протасовой 2001, Е.А. Замеской 1987, Н.Ф. Спиридоновой 1999).

Существительные, имеющие в своем составе уменьшительно-экспрессивные суффиксы, представляют собой своеобразную "группу" образований. В русской лингвистической литературе они рассматриваются то как разные слова (А.В. Потебня и другие), и, следовательно эти суффиксы являются словообразовательными элементами, то как формы слов (М.В. Ломоносов, Ф.И. Буслаев, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба и другие) и, следовательно, данные суффиксы относятся к формообразующим, то как нечто промежуточное между собственно словами и грамматическими формами слова (В.В. Виноградов).

Подтверждением последней точки зрения, по мнению В.В. Виноградова, служит возможность превращения уменьшительно-ласкательной формы в

особое самостоятельное слово. (ср. сеть и сетка, пузырь и пузырек, мужик и муж).

Употребление диминутивов достаточно частотно, они повсеместно встречаются в речи разных слоев населения для всевозможных целей: характеристики объектов и явлений окружающей действительности, выражения экспрессивной оценки говорящего к чему-либо/кому-либо, смягчая высказываний.

Хотя образовать уменьшительное слово возможно далеко не во всех случаях, все существующие производные образуются достаточно регулярным способом. Русский язык располагает разнообразным арсеналом грамматических средств для этого.

Предметом исследования данной работы являются лексические и грамматические особенности уменьшительных образований в русском языке.

Цель исследования – комплексное рассмотрение категории диминутивности в русском языке. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

1. исследование литературы вопроса;
2. сбор корпуса примеров;
3. анализ средств выражения диминутивного значения;
4. выявление возможностей разграничения объективной уменьшительности и субъективно-оценочного значения диминутивности.

Объект исследования: диминутивные образования.

Материал исследования извлечен из различных источников, список которых приводится в конце работы, в том числе словарей. При этом для расширения базы исследования анализу подвергались лексемы, относящиеся к разным частям речи.

ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАНИЕ ДИМИНУТИВНОСТИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Еще М.В. Ломоносов в своей "Российской грамматике" выделял имена умалительные (уменьшительные), и делил на ласкательные и презрительные. О суффиксах он еще не говорил. Умалительность, по его мнению, получается от соответствующих окончаний.

Первым, кто внимание на суффиксы, образующие уменьшительные имена, был Ф.И. Буслаев. Он подходил к данному вопросу несколько по-иному, нежели его предшественник (М.В. Ломоносов). Так, Ф.И. Буслаев утверждал, что уменьшительные, ласкательные и "унизительные" имена "пользуются звуком *К* соответствующим ему, смягченным *Ц*; например, *стол-и-къ*, *брат-е-ць*. Ф.И. Буслаев считал, что между *К* и *Ц* и корнем слова вставляются вспомогательные звуки: *-уш*, *-ыш*, *ень*, *-ен*, например, *мат-уш-ка*, *солн-ыш-ко*, *руч-ень-ка*, *руч-ён-ка*. По его мнению, этими вспомогательными срединными суффиксами различаются между собой имена уменьшительные, ласкательные и унизительные. Суффикс *-ыш* может быть и в конце слова: *дет-ён-ыш*. Для ласкательных имен может употребляться и суффикс *-ень* (или юс малый), который он усматривает в существительных *нож-ень-ка*, *руч-ень-ка* и прочих и прилагательных *бел-ень-кий*, *чист-ень-кий*.

Отличие Буслаев от большинства грамматистов того времени в том, что он соблюдает, как мы сейчас говорим, принцип максимальной дробности морфемного членения. У него суффиксы не *-ушк*, *-еньк*, *-ик*, *-ец*, а *-к* и *-ц* как основные представители этих блоков. (Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики.)

К.С. Аксаков, останавливаясь на уменьшительных суффиксах отмечал: "При уменьшительных предмет является как он есть, с наружным своим определением, вполне сохраняя себя, весь свой образ (Аксаков 1880, с. 150)".

В.А. Богородицкий, обращаясь к этой проблеме, писал: "Теперь перед нами новый тип производных, в которых сохраняется основное значение производящего, видоизменяется лишь оттенок представления одного и того же предмета, который может мыслиться большим или малым, а также с оттенком пренебрежительным или ласкательным (Богородицкий 1935, С. 150)".

А.А. Шахматов выделял категорию субъективной оценки, которая, по его мнению, обнаруживается посредством словообразовательных суффиксов, дающих основание различать слова со значением уменьшительности, ласкательности, пренебрежительности. Шахматов приводит также основания, по которым категорию субъективной оценки можно отнести к грамматическим. "Во-первых, суффиксальные образования, относящиеся сюда, не видоизменяют реального значения основного слова: *долгий*, *бомишко* обозначают то же представление, что *дом*: следовательно, эти суффиксы имеют другое значение, чем другие словообразовательные суффиксы, при помощи которых выражаются представления совершенно отличные от представления, выраженного соответствующим основным словом, представления, самостоятельные от него... Во-вторых особая природа указанных суффиксов обнаруживается и морфологически в согласовании рода производных слов с соответствующим основным словом (*домишко* м.р. под влиянием *дом*; *сапожище* м.р. под влиянием *сапог*). В-третьих, как отмечено Потебней, уменьшительные и ласкательные суффиксы имен могут влиять на форму согласующихся с ними прилагательных, которые принимают соответствующие уменьшительные или ласкательные формы: *маленький кусочек*, *сыночек*, *добренькая старушка*, *уютненткое местечко*, *беленький платочек*, *чистенькая рубашечка*: таким образом, эти суффиксы становятся сами синтаксическими факторами, что указывает на их синтаксическую природу (Шахматов 1952, С. 61)".

Уже в прошлом была замечена тесная связь категории уменьшительности

с экспрессивной категорией. "Милому свойственно быть малым, - писал К.С. Асаков... Самая ласка предполагает уменьшительность предмета, и вот почему для выражения милого, для ласки употребляется уменьшительное ...", "Чтобы представить предмет милым, чтобы высказать ласкающее отношение, на них как бы наводится уменьшительное стекло, и они уменьшаясь, становятся милыми... Оттенки отношения к предмету уменьшенному многочисленны. Кроме милого предмет принимает характер жалкого, бедного, робкого, возбуждающего о себе это сознание в говорящем..." (Аксаков 1880, с. 153-154).

О ласкательных имена В.А. Богородицкий замечал следующее: "Ласкательные имена могут образовываться как для обыкновенных, так и для уменьшительных существительных. Так, например, от обыкновенного существительного "голова" происходит ласкательное "головушка"; что касается соответствующего уменьшительного "головка", то оно, как и вообще уменьшительное, может соединять в себе и ласкательный оттенок; если такое образование кажется недостаточным для выражения ласки, то от него может быть произведено новое уменьшительно-ласкательное существительное, например: на *-очка*, *-онька* и др. (*головочка*, *головонька*).

В.В. Виноградов также объединяет эти две категории в одну – категорию "субъективной оценки" (Виноградов 1947, С. 112).

Анализ литературы показывает, что в истории русской грамматики вопрос о субъективно-оценочных суффиксах, их принадлежности к словообразованию или словоизменению решался неоднозначно. Это лишь один из аспектов сложной и до сих пор не имеющей однозначного истолкования проблемы соотношения формообразования, словоизменения и словообразования, и шире проблемы связи словообразования с грамматикой и лексикологией.

Такое решение вопроса, по мнению некоторых лингвистов представляется несколько искусственным. Непонятно, почему различие в величине предмета

расценивается как элемент нового качества в семантике слова. Ведь дом и домик, различаясь величиной, сохраняют общность своего вещественного содержания. Указанное разграничение грамматических форм и слов не находит никакой аналогии в языке. Так, образования степеней сравнения прилагательных, например, больше – самый большой, мы считаем грамматическими формами. Очевидно, что образования дом-домик, час-часик, с точки зрения языка, одно и то же явление.

Наиболее удачным представляется понятие трансформов, которое вводит А.Л. Шарандин для обозначения особых словообразовательных форм, близких по содержанию к определению понятия "формы слова", структура которых включает в себя мотивирующее слово, отражающее то или иное явление с количественной или оценочной точек зрения (Шарандин 1981). "Таковыми трансформами у существительных являются уменьшительные, увеличительные слова типа "домик", "домище". (Шарандин 1990, с. 66).

Более широко рассматривает уменьшительность З.И. Резанова в монографии "Функциональный аспект словообразования" (Резанова 1996). Она выделяет несколько проявлений уменьшительности: а) меньший по объемным параметрам – высоте, габаритам (носик, огурчик); б) меньший по степени проявления интенсивности (ветерок, холодок); в) меньший по значимости (статейка, разговорчик); г) отклоняющийся от нормы по каким-либо качествам (горошек, супчик).

Налицо опять же нечеткое разграничение уменьшительности и жспрессивдоста, так как, на наш взгляд, слова разговорчик, супчик указывают на определенное компонент – "отклоняющийся от нормы по каким-либо качествам" в известной мере включает в себя все предыдущие.

Мы считаем, что наиболее четко субъективно-эмоциональное и конкретное уменьшительное значение можно разграничить лишь в контексте.

Контекст помогает вскрыть внутреннюю разницу между значениями "предметов малых по природе или кажущихся малыми при данных условиях". В целом же, по мнению Р.А. Маркарян, чем ощутимее конкретно-предметное содержание слова, тем больше у этого слова способности к образованию уменьшительности формы со значением объективной реальной уменьшительности (Маркарян 1970, с. 134). Для уточнения же субъективно-эмоционального значения

ГЛАВА 2. УМЕНЬШИТЕЛЬНОСТЬ КАК СУФФИКСАЛЬНО МАРКИРОВАННАЯ КАТЕГОРИЯ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

2.1. Репрезентация категории диминутивности на слово – и формообразовательном уровне

Диминутивные значения могут передаваться как лексическими, так и грамматическими средствами, а именно суффиксами. Рассмотрим суффиксальные морфы, формирующие категорию уменьшительности у существительных. В зависимости от используемого диминутивного суффикса выделяются следующие классы:

Суффикс –АТ-: *деньжата*. В современном русском языке этот суффикс является супплетивным соответствием во мн. Ч. Суффикса м.р. -ёнок, образующего названия детей и детенышей от существительных всех родов (*цыганёнок, совёнок*, из неологизмов – *зеркалёнок* "воспитанник детского лагеря «Зеркальный»") и диминутивы от существительных – м.р., обозначающих детей (*мальчонок*). Диминутивы с неполной парадигмой же образуются как раз от слов, не входящих в эти категории: м.р. *стихи* (стихотворение) - > *стишата*, ж.р. *девки* —> *девчата* (ставшее pl.t. в результате утраты диминутива ср.р.

девча); ж.р./ мн.ч. *деньги* —> *деньжата*.

А так же *чирята, гусята, утята* и прочее со значением множественного числа невзрослых существ отнесены нами к категории невзрослости.

Суффикс *-АШК-*: *рюмашка, колобашка, мордашка, кудряшка, коняшка*.

Суффикс *-ЕЙК-*: *шубейка, коробейка*.

Суффикс *-ЕК-*: *горошек, человек, внучек, порожек*, *-ЁК-*: *гусёк, зверёк, кошелёк, огонёк*.

Суффикс *-ЕНОК-* и *-ЕНЫШ-*: Шутливо-ласковое «искажение» есть также в формах на *-енок*, например, *Котенок, котенок, Никитенок*, и в фориах на *еныш*, в которых адресат уподобляется детенышу животных:

Свинья > *свиненок*

Мышь > *мышонок*

Однако у суффикса *-еныш* несколько другое содержание, чем у суффикса *-енок*. В формах на *-еныш* не так явно выражена нежность, в них больше шутливости, которая имеет слегка покровительственный. Поддразнивающий оттенок. В парах типа *свиненок* — (от *свинья*) формы на *-енок* предполагают наличия каких-то типичных хороших свойство детенышей, а формы на *-еныш* не обязательно воспринимаются таким образом. Например, *змееныш*, может быть не очень маленькой змеей и вовсе не обязательно симпатичной.

Суффикс *-ЁНК-* и *-ОНЬК-* : это обычно формы мн.ч. суффиксов *-онк-а* и *-оньк-а* образующих диминутивы от существительных ж.р. (*избёнка, ноченька*) и одушевленных существительных м.р. (*мужичонка, дяденька*). Что до диминутивов ед.ч, они образуются от неодушевленных существительных м.р. (по большей части это названия частей тела), а также от ед.ч: м.р. *волосы* (*шевелюра*) —> *волосёнки, волосоньки, глаза* —> *глазёнки, глазоньки, зубы* —> *зубёнки, зубоньки, рога* —> *рожонки, роженьки, пальцы* —> *пальчонки* ж.р./ мн.ч. *деньги* —> *деньжонки*. Сюда же относят м.р. *стихи* —> *стишонки*, хотя

ед.ч. *стишенок* и существует, что согласуется с предпочтением окончания –ов нулевому в род. падеже мн.ч. (ср. *боченок*, мн.ч. *бочонки*, род. п. *бочонков*).

В русском языке для диминутивов существуют и другие минимальные пары, например, *мамочка*, *маменька*, *папочка*, *папенька* или *душенька*, *душечка*, но они тоже дают не так много, как можно было бы ожидать. Поскольку члены этих пар обычно различаются более. Чем по одному признаку. Чуть больше мы извлекаем из сравнения лексического значения форм *девка* и *девочка*, а также из того факта, что к именам «серьезных» и «больших» явлений иногда может присоединяться суффикс *-ЕНЬКа* (*-онька*), но никогда *-очка* (*-ечка*), например: *боженька* (детское слово для Бога). *божечка*; *зоренька* (поэтическое/народное слово для зари). *зоречка*.

(Академическая грамматика русского языка 1960:267, 269) описывает значение *-очка* как «уменьшительно-ласкательное», а значение *-ЕНЬКа* как просто «ласкательное», По сути, такое различие правильных, и — в какой-то мере — оно касается и соответствующих форм личных имен.

Похожее отношение выражают и термины родства на *-ЕНЬКа*, например, *доченька* (от *дочь*), *теменька* (*тетя*), *дяденька* (от *дядя*), но в случае прилагательных экспрессивность связана с каким-то определенным признаком, а в случае существительных — с самими взаимоотношениями. Можно сказать что *-ЕНЬКа* более "ласкательный и более интимным, чем *-очка*. Поскольку *-ЕНЬКа* никогда не используется для обозначения маленьких детских вещей (как, например, *кроваточка* или *рубашечка*), то он никак не ассоциируется с миром маленьких детей, милым и трогательным, но не вполне серьезным. В то же время *-ЕНЬКа* предполагает личную реакцию на общение с другим человеком.

Суффикс -ЕРК-: *табакерка этажерка*, причем ЕР в данном случае не суффикс, а часть целиком заимствованной иноязычной основы, производной в языке-источнике, но не в русском языке.

Суффикс -ЕЦ-: *братец, морозец, хлебец, письмецо*. Характерно, что в большинстве слов этого типа значение уменьшительности имеет субъективный оттенок ласкательности или уничижительности.

Суффикс -ЕЧК- : *семечко, блюдечко, ситечко, бошечка*;

Суффикс -ЕШЕК-: *краешек, камешек*. Уменьшительным, таким образом будет суффикс -ЕК.

Суффикс -ЁШК-: *рыбёшка, трёшка*.

Суффикс —ИК-: *волосы —> волосики, джинсы —>джсинсики, щипцы —> щипчики*.

Формы на *-ик* вовсе не всегда предполагают маленький размер чего-то. Так, например, форме *билетик* (от *билет*) в предложении *Купите билетик!* Не означает маленький билет (билет может быть обычного размера), а добавляет эмоциональный оттенок "Будьте добры, купите..". на самом деле *билетик* все же относится к чему-то маленькому, хотя интерпретировать такое употребление можно, только рассматривая весь речевой акт в целом. Примерно так:

Купите билет! = я хочу, чтобы вы сделали нечто (купили билет)купите билетик! = я хочу, чтобы вы сделали нечто «маленькое» (незначительное) (купили билет).

Но, в отличие от обычных форм на *-очка*, формы на *-ик* никогда не бывают двойными уменьшительными, предполагающими не маленькие, а очень маленькие размеры неких объектов:

кровать > кроватка> короваточка

лошадь > лошадка > лошабочка

следовательно, формы на *-ик* (*мостик* или *холмик*) не так связаны с миром

маленьких детей, как формы на *-очка* (*кроваточка* или *лошадочка*).

Из двух ласкательных форм *Юрочка* и *Юрик* (обе к тому же еще и уменьшительные) для первой характерны более детские ассоциации, а для второй — более мальчишеские. Это впечатление усиливается еще и тем, что *-ик* в основном мужская форма, а *-очка* может относиться к обоим полам. Конечно, формы на *-ик* можно образовать и от женских имен, например. Света > Светик, Люся > Люсик, но такие формы ощущаются как ласковые игривые «искажения», которые используют для экспрессивных целей чисто мальчишеский характер суффикса *-ик*. Оттенок ласкательности.

Суффикс *-ИЦ-*: *книжица, креслице, лужица, рожица, лыжицы*.

Суффикс *-ИЧК-*: *водичка, росичка*. Оттенок ласкательности.

Суффикс *-ИШК-*: м.р. нервы (система) —> *нервишки*; ж.р. Карты (игра) —> *картишка*; ср.р. дела —> *делишки* (ср. Ед.ч. ум. Дельце, ср. в частности тёмное дельце, мн. Тесные делишки); мн.ч. дети —> *детушки*, дрова —> *дровишки*, люди —> *людишки*, ребята —> *ребятишки*, шахматы —> *шахматишки*, штаны —> *штанишки*. Оттенок ласкательности или пренебрежительности.

Суффикс *-К-*: *аптечка, шубка, иголка, облачка*.

Суффикс *-ОК-*: *голосок, божок, хлевок*. Формы на *-ок* связаны с тем промежуточным положением, которое занимает суффикс *-ок* между *основной формой* и *формой на -очек*:

ветер > ветерок > ветерочек

голос > голосок > голосочек

час > часок > часочек

по отношению к основной форме форма на *-ок* является уменьшительной. Например, форма *часок* значит что-то вроде "всего лишь час", т.е час осмысляется как нечто маленькое (и приятное). А форма на *-очек* обозначает

что-то еще меньшее (и еще более приятное). Этим формы на -очек напоминают формы на -очка:

кровать > *кроватька* > *кроватьочка*

час > *часок* > *часочек*

если рассматривать эти формы в такой последовательности, то получается, что -ок уменьшительный суффикс, но «большой» уменьшительный, а -очек — «маленький» уменьшительный.

Суффикс -ОНК-: *бумажонка*, *душонка*, *собачнка*. Оттенок пренебрежительности.

Суффикс -ОЧК-: *вазочка*, *дурочка*, *вербочка*, *звездочка*, *косточка*, *розочка*, *язвочка*. Для многих имен, в особенности для тех, у которых основа краткой формы оканчивается на твердый согласный, основная немаркированная ласкательная форма чаще всего образуется с помощью суффикса *-очка*.

Формы на *-очка* передают нечто большее, чем просто "хорошие чувства". Это справедливо в той части, где предлагается считать, что суффикс *-очка* наряду с "хорошими чувствами" предполагает "то-то маленькое", но этот компонент нерелевантен или менее релевантен по отношению к детям. Наоборот, формы на *-очка* сочетают "что-то маленькое", хорошие чувства, и ориентацию на детей. Имена на *-очки* особенно часто употребляются в речи, обращенной к детям, так как естественно считать, что детский мир наполнен вещами, которые встречаются во взрослом мире, но в уменьшенном варианте. Если говорить об эмоциях, то *-очка* как раз подразумевает "хорошие чувства" вроде тех, которые связаны с маленькими детьми. Такие формы как *кроватьочка* или *лошадочка* вызывают в памяти мир маленьких детей и ту эмоциональную ауру, которая возникает при общении с маленькими детьми. Входя в этот мир и пытаясь общаться с его обитателями, взрослый испытывает смесь нежности, умиления, игривости, несерьезности и т.п.

Эта аура переносится и на имена на *-очка*, когда они не употребляются в разговоре с детьми или о маленьких детях. Например, в слове *парочка* (в смысле "двое влюбленных") очень ясно выражен этот оттенок легкости, некоторой игривости и в то же время какой-то снисходительности (как если бы серьезные взрослые говорили о людях, которые немножко дети — Что-то трогательное, но несерьезное). Слово *мордочка* обычно употребляется по отношению к «милым» маленьким зверькам, таким как белки или щенки (или шутливо о детских лицах). Незачем говорить, что эта формула не означает, что такого рода формы употребляются только (или в основном) по отношению к детям. Скорее, таким образом я пытаюсь показать ту особую экспрессивность, которая возникает при употреблении этих имен, независимо от того, используются они а разговоре с детьми (о детях) или со взрослыми (о взрослых). Например, в романе Солженицына «Раковый корпус» старый доктор Орещенков называет Людмилу Донцову — женщину-врача средних лет (бывшую его студентку) — *Людочка*, и это абсолютно нормально, более того, при таких отношениях это самая подходящая форма, которую он мог бы употребить, несмотря на ее легкий, немного игривый и в то же время ласковый характер или, наоборот, благодаря ее характеру. В морфонологической транскрипции {=ЪК=ЪК} (ваза – вазка – вазочка; звезда – звездка – звездочка).

Суффикс *-УША-*: *Катюша, Танюша или Андрюша*, имеют двойственный характер, будучи иногда ласкательными, иногда лишенными какой бы то ни было теплоты. Поскольку другие ласкательные суффиксы, как, например, *-ЕНЬКа* или *-очка* называются просто «ласкательными», то, говоря в этом случае о «фамильярном и ласкательном» значении, Станкевич намекает на то, что имена на *-уша* могут иногда иметь совсем не ласкательную природу. Он как бы предлагает считать, что иногда они звучат как ласкательные, а иногда просто «фамильярно».

Суффикс -ОШК-: *окОШКо, яукОШКо*.

Суффикс -УРК-: *дочУРКа, печУРКа*. Сюда же относится суффикс – ЮРОК-: *вьЮРОК*.

Суффикс -УШК-: м.р. солдаты —> *солдатУШКи*; р.т козлята —> *козлятушки* (то же с другими названиями детенышей) дети —> *детушки*, люди—> *людюшки*, ребята —>*ребятушки*.

Суффикс –ушк- представляет собой тип экспрессивности, он выражает положительное отношение, не будучи ориентирован на детей.

Итак, во-первых, формы на -ушк- есть только для обозначения взрослых и старых людей, тогда как употребление форм на -ЕНЬКа не ограничено только взрослыми, и при этом они не применимы к старым людям (родителям родителей).

Во-вторых, семейные термины на -ушк-, скорее, образуются от «взрослых» слов вроде *мать* или *дед*, тогда как формы на -ЕНЬКа производятся от детских слов вроде *мама* или *папа*.

Важно и то, что формы на -ушка даже больше на -ушка особенно типичны для деревенской речи и фольклорной литературы, в то время как формы имен на -ЕНЬКа имеют более литературный оттенок и, похоже, редко использовались в деревне.

Типичным же для этих форм можно считать не столько их ласкательный характер, сколько какое-то чувство жалости, сочувствия к людям.

Кроме того, формы на -ушк- (-ушко) могут сочетаться (в фольклорном стиле) со словами, обозначающими абстрактные – экзистенциальные понятия, как, например, *горе* > *горюшка*; *воля* > *волюшка*; *работа* > *работушка*; *смерть* > *смертушка*; *дума* > *думушка*; *забота* > *заботушка*; *сила* > *силушка*;

доля > *долюшка*. Суффикс же *-ЕНЬКа* или *-очка* никогда так не используются.

Все это показывает, что экспрессивность, заключенная в суффиксе *-ушк-*, не имеет отношения к детской речи или к общению с детьми, и что она ориентирована по другой оси. Похоже, это отражает важную черту русской народной философии, которая считает, что человек заслуживает жалости, и поощряет смирение и сострадание. Такие слова, как *зимушка* (русская зима), *волюшка* (воля – женанная, но часто недосыгаемая), *смертушка* (смерть — неизбежная, и которую поэтому надо принимать с любовью), *невестушка* (невеста, которая здесь воспринимается как заслуживающая жалости — цветок, который завтра будет сорван), *головушка* (голова, особенно в жалобах вроде *бедная мая головушка*), *горюшка* (горе, которое надо принять), *хлебушко* (хлеб, которого часто не хватает), *соседушка* (соседка — "жизнь тяжела, "давайте помогать друг другу"), *морюшко* (море — загадочный простор, куда иногда уносит людей) — все они имеют ясное экзистенциальное содержание и связаны с традиционно русским отношением к жизни, выраженным в русской литературе.

Формы на *-ушк-* связаны с связаны с экзистенциальными понятиями, они передают! Теплые чувства, которые вызваны не столько приятными чертами адресата, сколько жизненным опытом говорящего. Суффикс *-ушк-* (и *-ушко*) «передают ласку, доброе отношение, иногда шутливое». Ключевое слово здесь «доброе». Суффикс *-ЕНЬка*, *-очка* или *-ик* не содержат ничего «доброе». А *-ушк-* часто звучит как «добрый». Он подразумевает теплое отношение к людям, которое выработано на основе жизненного опыта говорящего благодаря его осведомленности о тех плохих вещах, которые могут случаться с людьми. Народная философия, которую отражают формы на *-ушк-*, утверждает, что жизнь такова, что людей нужно жалеть и относиться к ним по-доброму. Это не обязательно исключает самого говорящего. Например, детский крик *нянюшка!*

(как в детских песенках Мусоргского) выражает, скорее, страх или беспокойство говорящего, чем жалость. Но это также совместимо с предложенной формулой.

Суффикс -УШОК-: *хлевушок*. Оттенок ласкательности.

Суффикс -Ц-: *дверца, блюдце, болотце*, рi.t. ворота → *воротца*, перила → *перильца*, дрова → *дровец*. В морфонологической транскрипции {=БК}.

Суффикс -ЧИК-: *амбарчик, бачаганчик, бубенчик, жбанчик, шкафчик*;

Суффикс -ЫНК-: *косынка*. Единственный пример.

Суффикс -ЫШЕК-: *воробышек, клинышек, оладышек*, Оттенок ласкательности.

Суффикс -ЫШК-: *бревнышка, гнездышко, перышка, кубышка, ядрышко*.

Суффикс -ЮШК-: *сараюшка, зверюшка*.

Суффикс -ЯВК-: *козявка, малявка*.

Суффикс -ЯЧК-: *болячка*.

Суффикс -ЯШК-: *деревяшка, медяшка, костяшка от дровяга, мед-як, кост-як "игральная бабка"* (ср. *костяжка* 1. *Сустав кости*. Мосол, 2. *Игральная бабка*).

Анализ выделенных суффиксов и суффиксальных образования выявил, что последних всё-таки больше (в против 26), наиболее частотны 13 из них, обращает на себя внимание тот факт, что с точки зрения морфонологии уменьшительных суффиксов в русском языке не так уж много: ЪК/ЬК или ИК, плюс древний –ЯТ_А.

2.2. Проблема эмоциональности и оценочности деминутивных образований.

Вопрос о суффиксальных образованиях с уменьшительно-экспрессивным значением затрагивался в русской лингвистике неоднократно, однако обобщающих работ или монографий в этой области мы не имеем. Работа И.Э. Мандельштама «Об уменьшительных суффиксах в русском языке со стороны их значения», как и труды других русских грамматистов его времени, не охватывают всех суффиксов данной категории и не дают их полной характеристики, не говоря уже о том, что многие проблемы здесь вовсе не затронуты.

Новые направления лингвистики выдвинули на первый план круг вопросов, связанных с экспрессивной и эмотивной функцией языка применительно к адресату и интенциям адресанта. Непосредственная эмоциональная реакция говорящих отражает момент перехода от собственно семантического аспекта к аспекту прагматическому.

Исследования не раз отмечала, что для РР больше характерно выражение отрицательных оценок разного рода, чем положительных. Это объясняется целым рядом причин. Однако нередки случаи и положительной оценки того или иного явления. Подчеркнем, что во многих случаях наблюдается совмещение многих функций. Спрашивая, например: Нету Вас какой-нибудь *коробчбнки*?; *Бумажонки* не найдется завернуть?; говорящий передает и свою оценку денотата (какая-нибудь маленькая, плохонькая коробочка; ненужный кусок бумаги), и желает показать близость своих отношений с собеседником, и подчеркивает незначительность своей просьбы.

Приведем сначала несколько типических примеров употребления экспрессивных производных в их прямых размерно-оценочных функциях: (рассказ о даче) У них дача/ там *кроватки* маленькие/ наверно для Любы/ когда

она была маленькой/ *пододеяльнички с кружевцами!* занавесочки на окнах/ зеркальца/; *Махонькие комнаточки! Крохотулечк!*; И вот в этом отдельном *домишечке мы и живем!*: Как он мог сидеть на этом *трончике*; Там всякие лесные *бухточки!*.

Вы бы видели какой *тортина* \ (жест – пальчики оближешь): У меня был вот такой синячина!; В Москве льет такой чудесный *дождина!* Силища//; У нас дома *холодина!* Вот какой у нас *поездина!* У-у какой *тортина* (Неделю есть будете!; (входя в кафе) *Очередина!* Да пропади она пропадом!; (глядя на плакат, где изображена большая нога) У-у! Какая *ножища!*; Бывает *очереденка* человек пять!; Донжуанистый малопривлекательный *мужичонка!*; Нам удобства не нужны нам лишь бы отдельная *комнатеха* была! Он всегда был довольно тихонький *котшишка!*; У него все время такая *мыслишка*. ; С таким *носярой* трудно ему!; Куда ты *жердюга* на качели залез? (метафорически, о длинном, нескладном человеке); Ну и *пылюга!* Производные с суффиксами отрицательной оценки могут – в зависимости от контекста – использоваться и для выражения положительного отношения или оценки: Знаешь *мячишка* отличный!; *Винишко* что надо!; Какой *котшишка!* Прелесть!; Эта *старушенция* меня восхищает!; А вот что говоря, здорово было! Это *мультипликашка*; (бабушка хвалит внуку) Она и поет и мелодию быстро схватывает и *головеко* у нее есть!; (ласково) А *голосишко-то* усталый!; Во как *собаченция* птиц гоняет!

Уменьшительные существительные нередко употребляются, когда разговаривают с животными или речь идет о животных: (двое гуляют зимой) Вон какие *снегирьки/краснопузики!*Смотри сколько их! Большая стайка// на того смотри/ его лучше видно/ (ласково) какой *красногрудик!*. Для современной РР характерно употребление уменьшительных производных в ситуации покупки (магазин, столовая, кафе, кинотеатр и т.п.): (в магазине) Двести грамм *колбаски!*; Десяток *яичек!*; Два *сырочка* плавленных//; (в кассе кинотеатра) Три

билетика на шесть тридцать *серединочку* пожалуйста// при просьбах: (за столом) Передайте *тарелочку*; *Хлебца* мне *кусочек* пожалуйста//: (по телефону) *Минуточку* *попождите*//; *Секундочку* сейчас я его позову//. Отметим, что чрезмерное употребление уменьшительных производных оценивается многими носителями литературного языка как показатель дурного вкуса, как черта не литературности (просторечие). Экспрессивные производные используются в целях отрицательной оценки (иронической, уничижительной, презрительной), которая может быть направлена как на самого говорящего (самоирония, желание не выглядеть смешно, боязнь показаться хвастуном и т.п.), так и на собеседника и его сферу. В этих целях часто используются производные с *суфф*-*ень* (и его алломорфами), *-ишко*, но могут привлекаться и другие:

Я могу вам подбросить свои *соображеньца*//; Тут у меня кой-какие *замечаньица* есть//; Там у нее *обобщеньца* в конце//; *Докладец* мой слышали?; *Я* набросал *ввденъице*; Ну и *выступленьице*! Смех один//: (иронически об аспирантке) Она добросовестная// *Сносочку* на каждое слово *ссылочку* на каждую страничку//; Они там *стишочки* читают//.

И. наконец, экспрессивные производные упоребляются просто как выразитель непринужденности речи:

- *Пельмшек* хочешь?; *Актрисулька* была там знакомая//; У него такое *пуздо*//; Ну как *фильмец*?!; — Унести *бельишко* к себе//; (разговор о походе) Л. Как же вы без карты пойдете? Н. Мы сначала пойдём с группой/ *турбаники*/ Может быть *картишку* достанем//; ОН так устает за неделю/ что в свободные дни не хочет садиться за *рулягу*//.

Заключение

Явление уменьшительности в русском языке было замечено уже давно, однако её категориальный статус вызывал много проблем. Некоторые учёные-лингвисты относили диминутивные образования к отдельным словам, другие, напротив, считали, что это лишь варианты одного нейтрального слова. У каждого были доказательства в пользу своей гипотезы. Однозначного ответа не существует до сих пор, большинство склоняется к тому, что диминутивы это производные одного слова, так как они образуются достаточно регулярным способом.

Уже в прошлом было замечена тесная связь категории уменьшительности с экспрессивной категорией. Уменьшительные словоформы связаны с отношением говорящего к объекту высказывания.

Изучение уменьшительных образований естественным образом связано с вопросами разграничения объективной уменьшительности и субъективно-эмоционального значения. Многие исследователи справедливо отмечают, что уменьшительные образования в чистом виде встречаются весьма редко, они так или иначе, но всегда эмоционально окрашены. Есть даже мнение о том, что объективная уменьшительность в чистом виде никогда не может быть выражена уменьшительным словом в силу наличия все той же эмоциональной окраски.

Уменьшительные образования, наряду с другими образованиями, содержащими в себе суффиксы оценки, отличаются в плане стилистическом, так как они представляют довольно редкий в языке случай, когда стилистическое качество находит выражение с помощью особого показателя в морфологическом составе слова, "тогда как в других образованиях" различные стилистические качества слова не имеют в его морфологическом составе особых знаков обнаружения, отличных от средств выражения предметно-логического и грамматического значений.

Говорящий, используя экспрессивные средства словообразования, ставит перед собой разные цели. Он может таким образом не только выразить свое отношение к называемому словом денотату, но и передать свою оценку "чужого" денотата – выразить определенное отношение к собеседнику.

Стремиться создать обстановку интимности, подчеркнуть свое вежливое расположение, дружелюбие, или наоборот, презрение, неуважение и т.п., а также заискивание, подобострастие.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. с. 5-32.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора // БЭС. Языкознание. М., 1998.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, с. 10.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человек. – М: «Язык русской культуры», 1999. – 896с.
5. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сб. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153-172.
6. Гамаюнов М.М. «Союз Музыки, философии, любви и монастыря». – М.: Мысль, 1995. – С. 907-925.
7. Лосев А.Ф. проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976. – 367 с.
8. Метафорические номинации в языковой картине мира. // Научные труды. Серия: Филология. С-Пб. – Тб., т. II, 2001, ч. 32-37.

9. Москвин В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация. – Волгоград, 1997. 92 с.
10. Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. –СПб., 2004. – 166 с.
11. Телия В. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
12. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М, 1988. С. 173-203.